

УДК 94(47).084.3

DOI 10.26456/vthistory/2023.2.021–041

ОТ РЕВОЛЮЦИИ К ДИКТАТУРЕ: ПОЛИТИКО-ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ

В.П. Булдаков

Институт российской истории Российской академии наук,
г. Москва, Россия

Автор отвергает сложившиеся представления о конструктивном характере нэпа. Со стороны власти это был период вынужденного экспериментаторства, со стороны низов – отчаянных надежд на «сильную» власть. Революционная охлократия подавила ростки гражданского сознания. В этих условиях получили преобладание эмоциональные интенции, а не взвешенные политические решения. Всякие новации носили вынужденный характер, революционный порыв иссякал, авангардизм приобретал вымученный характер. Люди, сами того не замечая, тянулись к «спасительной» авторитарной традиции, которая в конечном счете и возобладала в новом, коммунистическом обличье. В целом это было обычным постреволюционным «бегством от свободы». Однако в России всеобщая тенденция обернулась устойчивым симулякром, надолго затормозившим реальное обновление страны.

Ключевые слова: *Россия, революция, постреволюционная ситуация, большевизм, общественные разочарования, ложные представления, социальная мимикрия, угасание субъектности, социальная репрессивность.*

Некогда история воспринималась как деяния богов и героев, затем превратилась в историю правителей и политиков, наконец, стала переосмысливаться как бытие народов. Сегодня подошла очередь истории Человека – его субъективных устремлений и ощущений в контексте течения и, особенно, изломов большого исторического времени.

Понятие индивидуальности исторично – человек реализует себя в той мере, в какой позволяет окружение. Этим и определяется значение документов личного происхождения: именно они помогают уловить особенности «тонкой» связи человека с эпохой. В силу этого история субъектности времён революции и становления сталинизма может дать ключ к пониманию не только природы советского строя, но и последующих жесточайших кризисов XX в.

Возникает вопрос: что понимать под эго-документами? Только ли письма, дневники, воспоминания, релевантность которых меняется с течением времени? А как быть с «безгласными» источниками самовыражения: от анонимного вандализма до произведений живописи? Лично для меня элементы эго-источника содержит в себе *любой* документ, позволяющий понять человека и его время.

Разумеется, эго-документы подчас концентрируют в себе негативные эмоции и социальные девиации, складывающиеся в *психопатологическое* восприятие происходящего. Наблюдатели отмечали, что «неотвратимые ужасы» революционного времени «вызвали к жизни пошлое и глупое мусирование полуфантастических пустяков ... неумный и неумеренный гиперболлизм в отношении фактов отрицательных... истеричность, граничащая с массовым психозом...»¹. В наибольшей степени это касалось интеллигенции, чье непонимание произошедшего заставляло ощущать себя перед лицом большевистской власти кроликом перед удавом. Разумеется, такие представления захватывают и историков – естественная эмпатия оборачивается конспирологической паранойей.

Как бы то ни было, современное понимание «неуходящего» прошлого требует не только анализа действий «сильных мира сего», но и эфемерных ощущений «маленького человека», агрегированное воздействие которых особенно мощно сказывается в периоды информационных и демографических пертурбаций. Именно эго-документы *in corpore* способны представить картину динамики «коллективного разума» (или его подобия) эпохи «больших потрясений». В конечном счете, через личные переживания, сливающиеся в эмоциональный метанарратив своего времени, можно уловить глубинный и долговременный результат тех или иных поступков и действий верхов, элит, масс. Так возникнет – внешне *сюрреалистичная* – картина прошлого, что позволяет, проникнуть в «большие смыслы» истории.

Российская революционность неотделима от европейской истории. В сущности весь XX век ознаменовался прорывами и взрывами неадекватных эмоций, вызвавших серию малых и больших потрясений – покушений, войн, переворотов. Писали, что «мир сошел с ума» (См.: Булдаков В.П. Революция и эмоции: К реинтерпретации политических событий 1914–1917 гг. // Эпоха войн и революций. СПб., 2017. С. 460–475).

На деле произошедшее было обусловлено тем духом внутренней агрессии, который накопился за десятилетия «мирной жизни», не находя своего выхода в повседневных практиках. При этом сказывались сдержки «своей» культуры. Далек не везде люди, ставшие *массами*, приближались к утрате инстинкт видового самосохранения. Но, так или иначе, эмоции рано или поздно «остывают», оборачиваясь социальной апатией. В результате история превращается в волнообразный процесс, сказывающийся как на поведении власти, так на субъектности её подданных.

---

¹ Белов В. По новым вехам. Ревель, 1922. С. 8.

Разумеется, это не исключает предпочтительного внимания к той или иной группе источников личного происхождения для решения конкретных исследовательских задач. В данном случае, особое значение приобретают людские реакции на «неустойчивую» власть. Они ибо «помогают» властям, либо дезориентируют их – это зависит от интенсивности обратной связи. Как известно, в 1917 г. необычайную популярность приобрели социалистические лозунги. Из этого не отнюдь не следует, что массы сознательно взяли курс на построение социализма. Они лишь использовали популярные слова-лозунги, чтобы как-то маркировать тогдашнее социально-политическое пространство. Естественно, доходило до использования классово-антагонистичной риторики большевиков². В сущности, это была «защитная» форма адаптации к «обесмыслившейся» действительности, ведущая к наиболее привычному авторитаризму.

Не меньшее значение для постреволюционного времени имеют «письма во власть» – послания простых людей, адресованные непосредственно Ленину, а затем Сталину (или подобранные для него). Этот источник использован в ряде сборников документов. Однако их составление, как правило, производилась в соответствии с запросами *политической* (а не психосоциальной) истории³. Проблема субъектности «простого советского человека», его становления в качестве вольной или невольной опоры власти, оставалась на заднем плане. А потому остаётся открытым вопрос о происхождении и утверждении советского типа конформизма. Единственным автором, который поставил этот вопрос, был С. Яров⁴.

Далеко не все авторы способны вникнуть в эту проблематику. Известны попытки связать всякую социальную мобильность с *гражданской* активностью. Доказывается, к примеру, что обилие «общественных организаций» в предреволюционной России, – свидетельство существования развитого гражданского общества. Трудно сказать, чего в этом больше, политической сервильности или непрофессионализма: разрешительная система общественной – это знак управляемости социального пространства государством.

Каждая эпоха имеет в своем арсенале активный и пассивный тип субъектности. В сущности, их соотношение определяет её коллективное социально-психологическое лицо, сказывающее на облике соответствующего поколения. Способность людей к совместному бунту, как и впадение в коллективную апатию, – явление не случайное. И потому историку важно разглядеть

---

² Яров С.В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006. С. 209–211.

³ См.: Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры в советское время / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть. 1928 – 1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры в советское время / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Суровцева Е.В. Жанр «писем вождю» в тоталитарную эпоху (1920 – 1950-е гг.). М., 2008; Лившин А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917 – 1932 гг. М., 2010.

⁴ См.: Яров С.В. Конформизм в советской России.

те заложенные прошедшей эпохой «мины замедленного действия», которые почему-то не смогла разглядеть «близорукая» современность.

Историю можно представить как своеобразную эстафету поколений – и не только в смысле последовательной передачи знаний, навыков, практик, но и их психоэмоционального опыта. Даже отвергая опыт «отцов», люди инстинктивно, особенно в экстремальных ситуациях, воспроизводят их социальные привычки. А в долговременной перспективе повзрослевшее поколение не довольствуется близким, перестающим впечатлять прошлым. Ему нужен пафос «судьбоносного» исторического бытия (что лишь провоцирует очередные пертурбации).

К началу XX в. произошёл эмоциональный перегрев всей европейской культурной среды – относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся социально и психически неустойчивой. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает её жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал известный историк (позитивист-западник!) П.Г. Виноградов⁵. Внешне это вылилось в противостояние между авангардистским и традиционалистским типами субъектности. Применительно к России это отнюдь не было столкновением «революционного» и «консервативного», городского и сельского типов сознания. Скорее это влияние следует отнести к пассионарным девиациями «имперского» архетипа (на деле способствующему поддержанию, в том числе и через кризисность, пониженного уровня субъектности).

Между тем большевистская революция породила представление, что сама история задаёт коллективистские стандарты личной жизни – последняя важна лишь постольку, поскольку отдана её «прогрессивному» движению⁶. Ощущение, человек словно подключился к некоей неодолимой внешней силе, завораживало. На смену иссякающему имперскому воодушевлению приходила вера в тотальное обновление всего мира. Разумеется, такое психоментальное состояние не могло удержаться дольше смены трёх поколений.

Попытки обретения субъектности в революционные времена были противоречивыми. Так, тогдашний авангардизм включал в себя как утопизм и творческую фантазийность, так и «новую» и «старую» (индивидуалистическую и охлократическую) формы протеста. В свою очередь, попятные движения и в городе, и в деревне продуцировались как старыми формами консерватизма, так и неприятием крайностей и побочных последствий революционного экспериментаторства. Примечательно, что некоторые симптомы этого явления можно было разглядеть еще до большевистского переворота. В сентябре 1916 г. во время пребывания в германском лагере для военнопленных генерал-лейтенант русской армии А.Н. Розеншильд фон Паулин составил крайне негативный отчёт о поведении русских офицеров. В

⁵ Виноградов П.Г. Избранные труды. С. 438.

⁶ Hellbeck J. Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA), London. 2006. P. 349.

отличие от пленных французов, они имели «невыразимо грязный и неряшливый наружный вид», потеряли всякое представление о дисциплине, обнаруживали «сплошное наружное и внутреннее хамство». Со своими генералами русские офицеры вели себя вызывающе, между собой конфликтовали. В их среде обнаруживались «не офицерские, мальчишеские и даже хулиганские поступки: площадная ругань, битье по лицу друг друга и пр.». Заметно было также нежелание занимать какую бы то ни было должность для поддержания внутреннего распорядка. Многие офицеры «пресмыкались перед немцами», своих собственных генералов, напротив, готовы были оклеветать, а Николая II подчас называли преступником⁷. Утрата привычной властной иерархии лишала людей общепринятых *моральных* ориентиров и эмоциональных сдержек.

Конечно, на воспоминания этого генерала, нетерпимого и желчного, можно было бы не обращать внимания, если бы не одно примечательное обстоятельство. Пленные русские офицеры вели себя точно так же, как солдаты в России после падения самодержавия. Получалось, что даже образованного россиянина отличал крайне низкий уровень «естественной» (без давления сверху) социализации и гражданского чувства. Некоторые авторы поняли это вскоре после революции. ...Деспотическое государство создает тип бунтующего раба, стремящегося к неограниченной свободе для себя и готового попирать свободу других, тип деспотичный и анархический одновременно...»⁸.

К тому же традиционная культура перенасыщена страхами (несмотря на то, что обычай предписывает скрывать их), а бытование нашего первобытного пращура складывалась из серии непосредственных реакций (а не рефлексии) на внешние обстоятельства. Вдобавок патернализм – особенно в его российском «крепостническом» воплощении – усиливал «инфантилизацию» сознания. Прочие культурно-исторические факторы также консервировали психоэмоциональную архаику: нельзя забывать, что российская урбанизация обернулась «рураризацией» городского культурного пространства. Всякая революция, вопреки своей устремленности в будущее, высвечивает «груз прошлого» в сознании людей.

В отличие от Европы Россия не знала разделения власти на светскую и духовную. Это препятствовало формированию области собственно *политического* (отчужденного от сакрального). «Расчетливая» и «предусмотрительная» (в европейском смысле слова) политика замещалась эмоциональными реакциями на *задуманное* и *содеянное* властью (вопреки реальным намерениям и действиям последней). И этому тоже были свои причины.

Российская история не знала планомерно дисциплинирующего насилия в лице Инквизиции – процесс форматирования социальной среды затянулся. Отсутствие в российской средневековой культуре университетов с их

⁷ Розеншильд фон Паулин А.Н. Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 1914. С. 346–349.

⁸ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. М., 2016. Том. 2. Генезис максимализма. Два мира. С. 111.

непременной латынью препятствовало формированию универсальной сферы *логического*, трансформирующего эмоции низов в собственно политику. «Обделена» была Россия и дисциплинирующей сознание школой средневековой схоластики – отсюда запоздалое следование «непререкаемым» принципам и деспотичным авторитетам. Можно вспомнить и о том, что в отличие от европейца россиянин, отчужденный от традиций римского права, не умел мыслить категориями формального закона, предпочитая максимы «справедливости». Попросту говоря, *homo rossicus* не был отформатирован для демократии, закрепляющей субъектность индивидов.

Неудивительно, что революционный процесс в России вопреки партийному многообразию протекал на *дополитической* основе. Доктрины и лозунги лишь микшировали рессентиментный накал социального пространства. В значительной степени это определялось относительной неизменностью психоэмоциональных реакций *homo rossicus*'а на ситуацию *во власти*. К этому добавлялась повышенная эмоциональность. Подданный «абсолютной» власти не принимал условности – в онтологическом смысле – политики. Отсюда и постоянная подмена политического расчета спонтанными – часто противоречивыми – реакциями. Обычно они приобретали характер перверсий: между «Да здравствует!» и «Долой!» не находилось места для диалоговых усреднений.

Демократический Февраль неслучайно оказался лишен объединяющей идеи – туманный идеал Свободы не мог его заменить. А поскольку свершившийся переворот был культурно многослойным — революцией образованных элит и бунтом городского плебса, — самое представление о свободе как антитезе старому порядку превращалось в фактор социокультурной дезинтеграции⁹. «Отказываюсь понимать два сорта людей: монархистов и анархистов», – писала 24 мая 1917 г. студентка Одесской консерватории в своем дневнике (представлявшем скорее калейдоскоп эмоций, нежели хронику событий). (После победы большевиков она же призналась: «Я все правую и правую и, наверно, доправую до монархистки»¹⁰). Тогдашние эмоциональные порывы носили «стадный» характер, захватывающий даже рассудительных людей. С августа 1917 г. многие академики стали презрительно высказываться о существующей власти¹¹. В общем, движение в политическом пространстве осуществлялось в манере «шаг вперед, два шага назад».

В авторитарных системах человек склонен бояться власти, в демократии ему приходится опасаться себе подобных. Внезапно наступившая воля может вызвать чувство всеобщей паники. Страхи, явные, и еще более скрытые, заставляют либо бросаться на поиски новых-старых форм солидаризма

⁹ Reiman M. Spontaneity and Planning in the Plebeian Revolution // Reconsiderations on the Russian Revolution. Ed. by R. C. Elwood. Cambridge (MA). 1976, С. 82.

¹⁰ Лакиер Е.И. Отрывки из дневника – 1917 – 1920 // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 146.

¹¹ Колчинский Э.И. Академия Наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 199–201.

(Советы), либо откатываться к привычному смирению перед Властью. Нечто подобное наблюдалось во времена Великой французской революции, когда возникали новые дискурсы взаимоотношений между социумами и внутри них¹². В России ситуация оказалась сложнее: средний класс в социокультурном отношении был слаб, противостояние «барской» и «крестьянской» культур гипертрофировалось эмоциями. После падения самодержавия эта конфликтная ситуация особенно ощутимо проявила себя внутри творческой среды.

Необходимо учитывать, что после Февраля фактически был узаконен «классовый принцип». Пролетариату было предписано считать себя не только «гегемоном революции» (на что рассчитывали социал-демократы), но и единственной силой, правомерной навязывать свои претензии власти (которая все основательнее маркировалась в качестве «буржуазной»¹³). При этом рабочий мог реализовать свои устремления только через коллектив, который, однако, идеологически был зависим от социалистических политиков. Последние, в свою очередь, находились в плену «антибуржуазной» риторики.

Примечательно, что в 1917 г. кадеты предпочитали слово «гражданин», вольно или невольно противопоставляя его термину «товарищ», (хотя некоторые из них готовы были перейти на «пролетарский» язык). Так или иначе, исследователи отмечают, что уже в апреле 1917 г. эти слова использовались «как маркеры противостоящих миров»¹⁴. Действительно, со временем это противопоставление усилилось. Потенции индивидуализма, базирующиеся на гражданском равенстве, окончательно элиминировались в связи с разгулом охлократии. Отсюда характерные интеллигентские впечатления: «Если правительство бывает по народу, то нынешние большевистские негодяи и неумелые тупицы – вполне нами заслужены»¹⁵.

Как известно, и патерналистский авторитаризм, и сталинский коммунизм в принципе отрицали субъектность (суверенность) человеческого Я, будучи убеждены, что человек – лишь средство для достижения благой стабильности или «высокой» цели. Такая установка в сущности представляла собой парафраз архаичных идеалов, включая христианские. Отсюда вопрос: мог ли человек, вдохновленный «раскрепощающей» революцией, достичь хотя бы видимости творческой субъектности? И на кого в действительности надеялся большевистский режим: на разъяренного марксизмом папы империи или на действительного «нового человека»?

---

¹² Baker K.M. *Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in Eighteenth Century*. Cambridge UK, 1990. P. 18.

¹³ См.: Колоницкий Б.И. Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуазное» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.

¹⁴ Икэда Ё. «Гражданин» в революционном дискурсе, февраль 1917 – июль 1918 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России СПб., 2022. С. 191.

¹⁵ Финдейзен Н.Ф. Дневники. 1915 – 1920. СПб., 2016. С. 238.

В 1920-е годы художник Редько признавался: «Когда я писал плакаты, то был заражен коллективной волей. Мои непосредственные впечатления тут же на месте получали окончательное осуществление»¹⁶. Некоторым такого рода экзистенциальная стадность некоторым казалась спасительной. Литератор Н.М. Мендельсон в мае 1919 г. высказался не менее показательно: «В идеалах большевиков много ценного; больше того: они уже сделали много такого, что останется на благо будущих поколений, – надо же смотреть на вещи не только с точки зрения личных переживаний! Например, ценно вовлечение (пусть нелепое иногда) масс в культурную работу». Правда, к этому он добавил: «Но одного я им никогда не прощу: удушения свободы слова». Выступление В.И. Ленина на VIII съезде Советов он комментировал так: «Перспективы работы такие, что дух захватывает. Верит, что одолеем. Чует, что последнее слово скажет мужик. Что же, быть может, большевики разгадают загадку “сфинкса”, хотя веры в это у меня нет»¹⁷.

Принято считать, что адаптация личности к большевистскому режиму происходила преимущественно в русле конформистского использования официальной риторики. В этом приоритет принадлежит С. Коткину, разглядевшего в жизнедеятельности жителей индустриального Магнитогорска своего рода микрокосм советской цивилизации¹⁸. Однако ему возражали¹⁹, указывая на необходимость обратить внимание на роль идеологии при расшифровке «герменевтики коммунистической души»²⁰. На деле энтузиазму «советского строительства» сопутствовал скорее социальный конформизм, связанный с фрустрационным «остыванием» социальной среды. В связи с этим возникает вопрос: а существовал ли собственно советский человек с его «коммунистической» душой? Может быть, мы имеем дело скорее со стадным сознанием, спровоцированным коммунистическим экспериментом?

Примечательно, что некоторые российские культурологи, на основании образов советской культуры утверждают, что в результате большевистской революции возникла некая новая субъектность, сравнимая с культурно-антропологическим прорывом эпохи Ренессанса. При этом особо отмечается

¹⁶ Редько К. Дневники. Воспоминания. Статьи. М., 1974. С. 54.

¹⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее - НИОР РГБ). Ф. 165. Карт. 1. Д. 3. Л. 109; Д. 6. Л. 22 об.–23.

¹⁸ Коткин С. Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2001. С. 252–296.

¹⁹ Тихомиров А.А. Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158.

²⁰ См.: Halfin I. From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh, 2000; Hellbeck J. Revolution in my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA), 2006.

нацеленность левой пробольшевистской культуры на будущее²¹. Несомненно, в это время воображение людей «избыточно эмоциональных» особенно активно подменяло действительность вопреки очевидно нацеленности большевистских вождей на социальную стабильность, неслучайно прикрываемую фразеологией инновационности. При этом большевики не скрывали, что индивидуальность должна быть редуцирована до минимума. Г.Е. Зиновьев в ответ на вопрос об облике «нового человечества» заявлял, что «оно будет жить действительностью, а не обманами, создаваемыми его воображением», а индивидуальность допустима лишь постольку, «поскольку она не будет помехой общему»²².

Несомненно, часть населения в экстремальных обстоятельствах готова согласиться на роль «сознательного» (в большевистском понимании) стада. Сложнее было людям творчества, которым приходилось разрываться между идеалом и прозой дня: достаточно вспомнить В. Маяковского. О последнем вскоре после его гибели Б. Пастернак писал, что тот оставался «единственным гражданином» нового времени на фоне «туземцев истекшей эпохи». Только у него «новизна времен была климатически в крови», «весь он был странен странностями эпохи, наполовину еще не осуществленными»²³. Увы, подобная одержимость утопией (как искренняя, так искусственно нагнетаемая) становилась самоубийственной. «Люди будущего» попросту гибли в нэповской среде, переполненной ретроспективными предпочтениями.

Культурное противостояние модерна и традиции, «культурных» верхов и «косных» низов с победой революции не только не ослабло, но и стало приобретать взрывоопасное состояние. Вместе с тем, нельзя игнорировать индоктринации «простого советского человека» эмоционально-образными средствами – особенно кино. Сказывался и фактор социальной мимикрии, порождавшей, однако, аккумуляцию агрессивности, направленной «вовнутрь». Неслучайно поднявшуюся в середине 1920-х гг. волну самоубийств психиатры связывали с тем, что души людей «опустошены материализмом»²⁴. Случались «знаковые» трагедии: в 1930 г. некий Вейт, сын помещика, после того, как выяснилось его происхождение и он был исключен из партии, убил своего отца²⁵.

В России социально активному человеку приходилось домогаться символического доверия некоей иллюзорно-возвышенной сущности в лице центральной власти и одновременно вырабатывать оптимальную стратегию поведения по отношению к её малопривлекательным проводникам. Отсюда масса доносов на «ближнего», заметно возросшая к концу 1920-х гг. Этот

---

²¹ Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: сравнительный социо-философский анализ // *Фундаментальные проблемы культурологи: Том VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему*. М.; СПб., 2009. С. 256.

²² Аничкова С.И. Загадка Ленина. Из воспоминаний редактора. М., 2016. С. 115, 116.

²³ Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 239.

²⁴ Аничкова С.И. Загадка Ленина. С. 157.

²⁵ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 81, 83.

феномен исследователи не без оснований связывают с ревитализацией средневековых практик²⁶. Если так, то насколько основательным оказалось влияние на «передовой класс» крестьянского окружения? Как при этом сказывалось, к примеру, влияние слухов о том, что какой-то начальник приближен к Сталину или, напротив, отчуждён от «вождя»²⁷? Какова, наконец, релевантность эго-источников, характеризующих феномен советской субъектности?

Анализ массива писем от коммунистов, беспартийных, молодежи, сомнительных анонимов и даже сумасшедших, адресованных непосредственно И. Сталину в 1920-е гг., а также некоторые материалы партийных чисток на местах, подводят к выводу, что некогда распространённый политико-идеологический подход к изучению советской субъектности является недостаточным. Поэтому изучение «простого советского человека» практичнее начинать именно с этой группы эго-документов, разумеется, дополняя и корректируя их с помощью источников иного рода.

Насколько письма во власть способны дать представления о ходе идентификационного процесса? Ведь нельзя забывать, что во власть в России чаще писали ее «обиженные» подданные. Однако, стоит заметить, что в 1920-е гг. этим активно занялись не только люди, ущемлённые местным начальством (хотя их письма преобладали), но и личности, «вдохновленные» открывшимися перед ними при новой власти возможностями. При этом социально-психологический спектр авторов (включая анонимов), а равно их мнений был необыкновенно широк, а уровень искренности весьма высок. Люди *ещё* не боялись раскрывать свой облик перед лицом власти. Порой это делалось даже угрожающе демонстративно. Однако не исчез и однородный набор «слезниц». При этом «исповедальный» стиль порой выливался в литературную графоманию, ставшую, как считают некоторые авторы, «всемирной» болезнью²⁸.

Данный тип источника подтверждает, что в 1920-е гг. идентификационные процессы развивались преимущественно стихийно, под мощным давлением «косной» или враждебной окружающей среды. Основу их составляло нарастание лояльности «вождю», с одной стороны, самоопределение относительно ближайшего начальства – с другой. Но это делалось с непререкаемой оглядкой на «своих». Вместе с тем, авторы писем вынуждены были, хотя бы формально, демонстрировать свое отношение к господствующей идеологии (а равно к её «непредсказуемым» инверсиям). Зато у них появилась возможность откровенно высказаться по поводу насаждаемого «образа врага» (присовокупляя к нему врагов персональных). В общем идентификационные процессы носили не продуманный (рациональный), а скорее болезненно-противоречивый (эмоциональный) характер.

²⁶ *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928 – 1941). М., 2011. С. 25–31.

²⁷ *Мейендорф М.Ф., баронесса.* Воспоминания. М., 2017. С. 195.

²⁸ *Boyt S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (MA). 1994. P. 200–205.

Конечно, охотнее всего раскрывались перед властью «левачки» настроенные молодые люди. Так, комсомолец Буянов (хочется думать, что это был псевдоним) из Брянской губернии, передав «привет всем вождям революции», сообщал, что он вступает на «платформу поэзии», а свои мысли собирает «выливать среди трудящихся масс... ибо в нашей стране есть свобода нашим талантам». Вместе с тем, он напоминал, что в партии «накопилось много всякого мусору»²⁹. Были и «идейно-холуйские» письма. Так, некий Хавин из Института народного хозяйства им. Маркса 24 ноября 1924 г. писал Сталину: «Я желаю работать под Вашим идейным руководством, чтобы Вы были путеводителем в моих работах... Вы один из признанных вождей Октября, которому история отведет одно из первых мест»³⁰. Автор то ли угадал, то ли накликал будущего деспота. Но до тотальной сервильности было еще далеко. Другие авторы отмечали, что молодые рабочие «никого не уважают, чересчур самонадеянны и не подчиняются коллективной дисциплине». Парадоксально, но именно из их среды зазвучали ставшие стереотипными выкрики: «За что боролись?»³¹

Оставалось немало постреволюционных нон-комформистов – главным образом в городе. Однако чаще встречались люди, ухитрявшиеся совместить искреннее выражение преданности партии с жалобами на социальную и бытовую униженность. Так, член партии Т.А. Бухарин 8 августа 1924 г. слал «коммунистический привет» товарищу Сталину (обращаясь к нему при этом на «ты») и спешил уведомить его «о всех ненормальных явлениях», начав с собственного бедственного положения³². Данное послание примечательно ещё и тем, что его автор словно подчёркивал существование некой интимной связи между ним и «вождём». Такой стиль обращения характерен для писем со стороны лиц, «посвященных» в магию власти. Но обычно к Сталину обращались более официально: «Гов. Сталин» или «Дорогой Иосиф Виссарионович», хотя встречалось и обращение «братишка», а некоторые школьники называли его на ты, словно взывая о помощи к отцу или Господу³³ (См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920 – 1930 гг. М., 2012. С. 145).

Вероятно, повсюду ощущалась нужда в пророках и пророчествах. Не случайно появились своего рода подражания Ф. Ницше: «Зангези» В. Хлебникова и «Приключения Хулио Хуренито» И. Эренбурга. Напротив, многие интеллигентные обыватели не знали, к кому обратиться: вторым человеком после умершего Ленина считали Троцкого³⁴. Для них было характерно как

²⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 36–37.

³⁰ Там же. Д. 647. Л. 114.

³¹ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 71.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 645. Л. 43.

³³ *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар, 2002. Т. 1. С. 71).

³⁴ *Абрагам А.* Время вспять, или физик, физик, где ты был. М., 1991. С. 22.

фрустрационное отчуждение от власти, так и упование на нее, связанное с недоумением относительно социальных результатов революции³⁵.

Впрочем, появились лица, оптимистично просчитывающие меняющуюся конъюнктуру. «Современность перевалила через рубеж, – заявляли они. – Расчистка кончилась, начинается стройка. Революция подходит к своим целям... Революция входит в линию традиции, но уже традиция обновлена революцией. Необходимость, Насилие – слабеют, отходят. И мы ждем: Милосердие и Человечность возвратятся в мир. Людские массы, общее тело социума, единственное, с чем хотела знаться и чем умела действовать и война и революция, – опять дают проступить отдельной человеческой душе...»³⁶. Насчет насилия эти «знатоки человеческих душ» ошибались. Но они уловили, что большевистское насилие прикрывалось фиговым листком гуманизма.

Характерно, что в 1922–1924 гг. некоторые меньшевики заявляли о необходимости «прекратить политическую борьбу и превратиться в общество для пропаганды идей научного социализма (марксизма)». Это мотивировалось тем, что «борьба за формальную демократию с советской властью» объективно является «содействием реакции» в условиях, когда государству предстоит «позаботиться о насаждении и развитии русского машиностроения» – в том числе и с помощью частного капитала. При этом автор письма искренне недоумевал, почему он, озабоченный «спасением революции и социализма», после освобождения из тюрьмы был отправлен в ссылку³⁷.

В ссылку то и дело отправлялись известные дореволюционные историки, вроде М.М. Богословского. Это не мешало им со временем становиться советскими академиками. Получали одобрение (хотя бы на время) и «перековавшиеся» (чаще внешне) литераторы. Власть делала это – беспринципность и притворство становились взаимным. На этом фоне символично появление особого рода авантюристов – политических оборотней. Литературные образ Остапа Бендера и «детей лейтенанта Шмидта» бледнеют на фоне реальных «27-го бакинского комиссара» и «братьев Луначарских»³⁸.

Как не удивительно, в 1920-е гг. довольно легко адаптировались к действительности некоторые «бывшие», включая аристократов, привычно воспринимавшие существующую власть как некую данность, лишь внешне менявшую окраску, но непременно содержащую элемент репрессивности. Иные из них продолжали учёбу в университете, отнюдь не скрывая своего происхождения (что, должно быть, служило доказательством искренней ло-

³⁵ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1–8. М., Т. 5. М., 2003. С. 65; Т. 8. Ч. 1. М., 2008. С. 77–78; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 475. Л. 103; Д. 484. Л. 7.

³⁶ От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М., 1924. С. 243.

³⁷ В жерновах революции. Российская интеллигенция между белыми и красными в пореволюционные годы. М., 2008. С. 183, 189, 199, 200.

³⁸ *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 311.

яльности), другие устраивались там, где требовались образованные исполнители. Бывший офицер князь Владимир Николаевич Долгоруков (человек «большого ума и культуры», но «холодный эгоист») даже стал... детским писателем В.Н. Владимировым³⁹. Люди такого склада уловили, что «классово-репрессивная» власть терпит людей, искренних в своем конформизме. Пусть было сомнительно, что «бывшие» способны на «перековку», но идентификационного усердия от них не требовалось.

Власть теперь инстинктивно опасалась людей непредсказуемо пассивных (словно учитывая рост неотреагированной агрессивности). И, разумеется, наибольшая опасность виделась в искателях социальной справедливости на революционный манер. Дело в том, что еще не перевелись лица, которые считали себя «подлинными представителями рабочего класса и охотно рассуждали о необходимости выпустить кишки всем буржуям»⁴⁰. При этом, «классовое» недовольство вызывали не столько «недорезанные буржуи», сколько интеллигентные «спецы». «Нэповский» рабочий словно колебался между навязанным ему образом гегемона и собственным униженным положением. Так, некий З. Темкин из Киева писал Сталину, что после 10 лет революции он, «истрепанный, измученный, больной», готов вновь броситься на буржуазный класс, «разорвать, уничтожить на кусочки его». «Злоба кипит...»⁴¹, – признавался он. Ресентимент такого накала был достаточно распространен. И.И. Попов, житель с. Подкущевка (Кубанского окр.), в прошлом красный партизан, писал: «... Ничего не пойму и остаюсь в тупике. Душа пыхтит от напряжения мятежных чувств, как котел, переполненный паром...»⁴². Были и такие заявления: «Подождем еще немного, а потом возьмем винтовки и пойдем в горсовет»; «Нужно работу бросить и пойти взять кого следует за глотку». Впрочем, значение таких заявлений не следует преувеличивать. Наряду с ними заметно было нарастание среди рабочих апатии, в значительной степени связанных с физическим истощением. Сказывалось и разочарование: «Власть мы завоевали, и опять же у нас равноправия нет, как оно было при царе Николае, так оно и есть в настоящее время»; «сулили золотые горы, но ничего не дали»⁴³.

В деревне также было предостаточно сельских «пролетариев», готовых расправиться с «кулаками» и их прихвостнями из коммунистических управленцев (См.: *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. С. 43, 54, 79, 81, 93, 157, 181, 257, 262, 263, 265, 271–273, 278).

³⁹ Голицын С. Записки уцелевшего // Дружба народов. 1990. № 3. С. 107; *Каптерева-Шамбинаго Т.П.* Арбат, дом 4. М., 2006. С. 127, 129–130.

⁴⁰ *Абрагам А.* Время вспять, или физик, физик, где ты был. С. 15.

⁴¹ *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М., 2007. С. 87.

⁴² *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону, 2010. С. 240.

⁴³ *Надеждина В.А.* «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа, 2005. С. 141, 145, 122, 132, 133.

Похоже, что разочарование крестьян в «плодах революции» было особенно сильным. В значительной степени оно стимулировалось наблюдениями за ближайшим начальством: «... Протаскивают чужих, неведомо откуда прибывших; выборы не проводят...», однако «все старые на местах, а все говорят: у нас выбрана власть, а кто выбирал – никто, сами друг друга вытаскивают на хорошие места»; «нам остается, по-видимому, не выбирать, а только сидеть, да поднимать руки»⁴⁴. Были заметны и комсомольские активисты, ненавидимые сельским большинством. В свою очередь, пылкие комсомольцы также не выдерживали разочарований, связанных с нэповской действительностью. Именно молодежь давала наибольший процент самоубийств (см.: *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. С. 101, 104, 357, 366) – авангардная субъектность не выдерживала «перерождения» власти, с одной стороны, усиливавшегося давления косной среды – с другой.

Впрочем, идентификационные процессы порой носили чисто ритуальный характер. «Победители буржуазии» могли обрести достойную самоидентификацию, только задвинув культурные символы своих противников – прежде всего на бытовом уровне. Отсюда рефлекторное неприятие всевозможных «классовых» маркеров прошлого, вроде «буржуазных» галстуков⁴⁵. Сходный характер могла носить и борьба с религией – она была лишена идейного обоснования. Порой происходила невидимая трансформация революционной ритуальности: демонстрации все больше походили на крестные ходы, всё большее распространение получали всевозможные «красные крестины». «Новая» культура не могла обойтись без привычной семиотической подпитки.

На фоне интернационалистской риторики большевиков особое место занимают представления о реальном положении дел в так называемом национальном вопросе. Так, 7 марта 1927 г. некий И.И. Кацман из Киева, познакомившись со статьей о современной жизни якутов, писал: «Если мы действительно оставили позади себя полосу революционной болтовни (которая, кстати, всем уже надоела), то надо перейти к делу, не брезгуя такими мелочами, как борьба с вырождением якутов»⁴⁶. А некий аноним взывал к Сталину как к самодержцу: «Вы обязаны вышибить шовинистический дух из зарвавшихся шовинистов-украинцев...»⁴⁷.

Впрочем, действия самого Сталина также «этнизировались». В партийных низах говорили, что, если ранее в ЦК верховодили евреи, то Сталин «тянет за собой кавказцев»⁴⁸. Люди интерпретировали происходящее в по-

---

⁴⁴ *Надеждина В.А.* «... Все к социализму иду и никак не могу дойти». С. 190, 196–237.

⁴⁵ *Федосюк Ю.А.* Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 37.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 77. Л. 4.

⁴⁷ Там же. Л. 163.

⁴⁸ *Павлюченков А.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917 – 1929 гг. М., 2008. С. 380.

нятиях борьбы этнических кланов, а не интернационалистов с «буржуазными националистами». Это не случайно, советский федерализм, до сих пор вдохновляющий некоторых авторов, вполне укладывался в этнопатерналистскую парадигму властвования.

Особенно хорошо прослеживается это на ситуации в восточных регионах⁴⁹. Характерно, что вновь поднялась волна антисемитизма, связанная с представлениями о том, что евреи «хорошо устроились» при социализме (См.: Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. С. 233, 241, 378, 401, 457, 582, 583, 588–596, 609, 638, 648). Вместе с тем, авторы некоторых писем подсказывали, что центральная власть должна использовать этнический (а не классовый) фактор в своих интересах. Писали, что необходимо учитывать, что культ личности играет на Востоке значительную роль⁵⁰.

Порой постреволюционный «интернационализм» принимал курьезные формы. Так, в 1929 г. в Северной Осетии коммунистка Смелянская выступила против 30-летней Е.А. Бараковой выдвинутой в прокуроры области. Оказывается, Баракова не годилась в прокуроры, поскольку была «несерьезная, кокетливая» и вообще «слишком красивая». В Средние века такие инвективы могли привести на костер. Вдобавок у мужа Бараковой обнаружилось «перерожденческие» прегрешения⁵¹.

В общем, ситуация в партии вызывала характерные ассоциации. Еще в 1921 г. член Центральной комиссии по очистке партии П. Залуцкий в преамбуле к оставшемуся нереализованном проекте комиссии «по установлению партийной этики и пределов материальных благ для членов партии» писал: «Революция, дав могучий толчок развитию личности, способствовала росту потребностей, неудовлетворение которых значительно более остро ощущается». Характерно, что в объяснении ситуации автор следовал принципам «диалектики»: «Победа революции... понизила чувство самопожертвования и самоотречения, которые остро вспыхивают в моменты острых политических кризисов»⁵². В общем «человек революции» в терялся в разбухавшей косной массе.

Кем мог ощущать себя при этом «простой советский человек»? Наследником революции, готовым воплотить её лозунги в жизнь? Сомнительно, они выветрились; вера в собственные силы понизилась. Человеком «обновлённой» империи? Возможно, но вряд ли он смог бы это самостоятельно атрибутировать. Представить себя полноправным гражданином демократического общества он не мог. В сущности, он остался наедине с «всемогущей» властью в агрессивном социальном окружении.

Из этого не следовало, что люди готовы были откровенно отказаться от «духа революции». Случилось другое: соответствующую риторику стала

⁴⁹ См.: *Баберовски Й.* Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010.

⁵⁰ ЦК РКП (б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн.1. 1918 – 1933 гг. Сост. Л.С. Гагагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 2005. С.179–182.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 613. Оп. 2. Д. 44. Л. 146 об.–149, 154–158.

⁵² *Павлюченков А.А.* «Орден меченосцев». С. 262.

использовать масса всевозможных приспособленцев. Это и обусловило характерный парадокс: революцию стали представлять личности, смирившиеся перед властью. Последней в таких условиях оставалось лишь имитировать «революционную» решительность.

Вместе с тем, агрессивный утопизм захватывал детское воображение. В известном смысле большевики перевели естественный конфликт поколений в «классово антагонистичный контекст». Приводились такие детские куплеты: «Маменька и папенька / Также есть у нас / Только нынче они стали / Нам враждебный класс». Новая детская «мораль» основывалась на максиме: «Вы, старики, только мешаете нам строить новую жизнь»⁵³.

Свою лепту в «разрушительно-соозидательный» пафос внес Пролеткульт. Поэтическая дерзость такого его представителя как В. Кириллов, обещающий «растоптать Рафаэля», несомненно, пленяла молодые умы⁵⁴. Но насколько основательно? И в какой мере эстетика обновления упрочила представление о необходимости социального насилия?

На фоне послевоенной разрухи всякий социальный пафос захватывал. По-своему это сказывалось на левых умах разоренной Европы. «Надо сказать, что это сознание солидарности со всем человечеством составило вообще основу Великой русской революции..., – уверял анархистствующий литератор А. Голичер (Холичер). – Но революция наложила на современников особые обязательства. И те немногие, кто осознал это, своим революционным воодушевлением заражали и толкали вперед несознательных, а упорствующих в сопротивлении заставляли отступать и сдаваться»⁵⁵. Подобным иллюзиям чаще предавались на время люди повышенной эмоциональности. Но человек становится утопистом лишь в «безвыходных» ситуациях.

Историк Ю. Готье недолго оставался в рядах ненавистников большевиков. Со временем он нашел оправдание их действиям, резонно сравнив события недавней революции с «революцией» XVII в. «Уклоняясь от правильного развития, жизнь народа может попасть в тупик, в противоречие с самой собою. Нормальным путем народ и созданное им государство не в силах выйти из исторических тупиков и противоречий; для этого нужны резкие, большей частью насильственные сдвиги, – утверждал он. – Такие сдвиги, являющиеся последствиями исторических болезней страны и вместе с тем средством исцелиться от них, носят в жизни народа название *революций*»⁵⁶.

Любая субъектность связана с исторически сложившимися принципами социализации. При этом давление среды – преимущественно имплицитное – оказывается чрезвычайно мощным. Но не менее значительным оказывается и воображение, порожденное шоком от произошедших и свершающихся «исторических» событий. Особенно заметно это было у женщин:

⁵³ Аничкова С.И. Загадка Ленина. С. 188–189.

⁵⁴ Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 335.

⁵⁵ Голичер А. Жизнь современника. М.; Л., 1929.

⁵⁶ Готье Ю.В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 2010. С. 5.

одни из них легко поддавались на патерналистские компоненты большевистской демагогии, другие, по известной привычке, склонны были превращать нужду в добродетель. Показательны записи в дневнике интеллигентной «новой женщины» З. Денисьевской, некогда настроенной антибольшевистски. После июльских событий 1917 г. она писала: «От всей нашей революции в конце концов веет таким же ужасом противоречий и чисто человеческой путаницы, как и от старого строя...». 4 ноября в адрес большевиков она высказалась так: Я им не верю. У них нет ни честности, ни ума... масса их темна и зла... Я думаю о социализме. В нем высшая справедливость и высшая любовь, но он может быть достигнут не путем большевистского бунта. Потому что сущность людей не меняется сразу...⁵⁷. 7 октября 1926 г. она же записала: «Не могу и не хочу читать газеты, так много в них болтовни, хвастовства, брани и лжи!.. А в жизни одна сплошная бестолковщина...». В марте 1929 г. в дневнике появилось нечто иное: «И за весь последний год я бессознательно становилась “социалисткой”, я начинаю понимать коммунизм». Очевидно, начавшаяся коллективизация воспринималась в городе совсем не так, как в деревне. Через месяц Денисьевская призналась: «Я сердцем чувствую правду на стороне идейных коммунистов... Они – преемники того, что я ценила и любила в русской интеллигенции...»⁵⁸. Похоже, что безжалостное социальное насилие в определенной социальной среде возрождает склонность выдавать желаемое за действительное.

Итак, что же определяло *mainstream* советской субъектности? Представляется, что пониженная субъектность способствовала теперь размыванию даже прошлых (в том числе общинных) идентичностей, причем это происходило вопреки усилиям власти по «классовой» стратификации общественной среды. Роль собственно идеологии при этом была невелика. Превалировало и нарастало пассивное признание власти как факта, что немногим отличалось от дореволюционного типа авторитарно-патерналистской псевдосубъектности. В связи с этим не удивительно, что Советский Союз, подобно Российской империи, скорее разваливался сам по себе, нежели кем-то «подрывался».

Список литературы:

1. Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М.: РОССПЭН, 2010. – 854 с.
2. Булавка Л.А. Советская культура и Ренессанс: сравнительный социо-философский анализ // Фундаментальные проблемы культурологи: Том VI: Культурное наследие: от прошлого к будущему. М.: Новый хронограф; СПб.: Эйдос, 2009.

⁵⁷ НИОР РГБ. Ф. 752. К. 2. Д. 2. Л. 73, 105.

⁵⁸ Из дневников Зинаиды Денисьевской (1900–1933 гг.) // Август, XX век: Трансформация жизни частного человека в эпоху социальных катаклизмов. Т. 1. М., 2014. С. 395, 397, 399.

3. *Готье Ю.В.* Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2010. – 185 с.
4. *Икэда Ё.* «Гражданин» в революционном дискурсе, февраль 1917 – июль 1918 г. // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2022. – 327 с.
5. *Колоницкий Б.И.* Антибуржуазная пропаганда и «антибуржуйское» сознание // Отечественная история. 1994. № 1. С. 17–27.
6. *Коткин С.* Говорить по-большевистски (из книги «Магнитная гора: Сталинизм как цивилизация // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара: Самарский ун-т, 2001. С. 252–296.
7. *Колчинский Э.И.* Академия Наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2007. – 502 с.
8. *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. Том. 2. Генезис максимализма. Два мира. М.: Человек, 2016. – 455 с.
9. *Лившин А.Я.* Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010. – 341 с.
10. *Надеждина В.А.* «... Все к социализму иду и никак не могу прийти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа: БашГУ, 2005. – 266 с.
11. *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928–1941). М.: РОССПЭН, 2011. – 397 с.
12. *Морозова О.М.* Два акта драмы: боевое прошлое и послереволюционная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010. – 349 с.
13. *Орлов И.Б., Пахомов С.А.* «Ряженные капиталисты» на нэповском празднике жизни. М.: Собрание, 2007. – 159 с.
14. *Павлюченков А.А.* «Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг. М.: Собрание, 2008. – 463 с.
15. *Рожков А.Ю.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов: В 2 т. Краснодар: Перспективы образования, 2002. Т. 1. – 404 с.
16. *Суровцева Е.В.* Жанр «писем вождю» в тоталитарную эпоху (1920 – 1950-е гг.). М.: АИРО-XXI, 2008. – 147 с.
17. *Тихомиров А.А.* Заслужить, оправдать и вернуть доверие партии: советское «я» в письмах во власть в ранней советской России // Новейшая история России. 2016. № 3 (17). С. 138–158.
18. *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. – 373 с.
19. *Яров С.В.* Конформизм в Советской России: Петроград 1917 – 1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2006. – 570 с.
20. *Baker K.M.* Inventing the French Revolution. Essays on French Political Culture in Eighteen Century. Cambridge UK: 1990. – 372 p.

21. *Boym S.* Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge (MA): Harvard univ. press. 1994. – 356 p.
22. *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh (PA): Univ. of Pittsburgh press, 2000. – 474 p.
23. *Hellbeck J.* Revolution on my Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge (MA): Harvard university press. 2006. – 436 p.
24. *Reiman M.* Spontaneity and Planning in the Plebeian Revolution // Reconsiderations on the Russian Revolution. Ed. by R. C. Elwood. Cambridge (MA). 1976. – 289 p

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

**FROM REVOLUTION TO DICTATORY:
POLITICAL AND IDENTIFICATION PROCESSES
ON THE MATERIALS OF EGO-DOCUMENTS**

V.P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The author rejects the prevailing ideas about the constructive nature of the NEP. On the authorities, it was mainly a period of forced experimentation, on the part of the grassroots – time of desperate hopes for a “strong” government. The revolutionary ochlocracy suppressed the germs of civic consciousness. Under these conditions, emotional intentions prevailed under the balanced political decisions. All sorts of innovations were forced by circumstances the revolutionary impulse dried up, avant-gardism acquired a tortured character. People, without noticing it, were drawn to the “saving” authoritarian tradition, which eventually prevailed in a new, communist guise. In general, it was a common post-revolutionary “escape from freedom”. However, in Russia, the general trend turned into a stable simulacrum, which slowed down the real renewal of the country for a long time.

Keywords: *Russia, revolution, post-revolutionary situation, Bolshevism, public disappointments, false imaginations, social mimicry, extinction of subjectivity, social repression.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References:

- Baberovski J., *Vrag est' vezde. Stalinizm na Kavkaze*, M., ROSSPEN, 2010. – 854 s.
- Bulavka L.A., *Sovetskaya kul'tura i Renessans: sravnitel'nyj socio-filosofskij analiz*, Fundamental'nye problemy kul'turologii, Tom VI, Kul'turnoe nasledie: ot proshlogo k budushchemu, M., Novyj hronograf; SPb., Ejdos, 2009.
- Got'e Yu.V., *Smutnoe vremya: ocherk istorii revolyucionnyh dvizhenij nachala XVII stoletiya*, M., Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2010. – 185 s.
- Ikeda Yo., «*Grazhdanin*» v revolyucionnom diskurse, fevral' 1917 – iyul' 1918 g., Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalaciya grazhdanskoj vojny v Rossii, SPb., Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2022. – 327 s.
- Kolonickij B.I., *Antiburzhuznaya propaganda i «antiburzhuzskoe» soznanie*, Otechestvennaya istoriya, 1994, № 1, S. 17–27.
- Kotkin S., *Govorit' po-bol'shevistski (iz knigi «Magnitnaya gora: Stalinizm kak civilizaciya»)*, Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednih let. Sovetskij period, Antologiya, Sost. M. Devid-Foks, Samara, Samarskij un-t, 2001, S. 252–296.
- Kolchinskij E.I., *Akademiya Nauk i Pervaya mirovaya vojna*, Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoj mirovoj vojny, SPb., Nestor-Istoriya, 2007. – 502 s.
- Kuhazhevskij Ya., *Ot belogo do krasnogo carizma*, Tom. 2, Genezis maksimalizma. Dva mira, M., Chelovek, 2016. – 455 s.
- Livshin A.Ya., *Nastroeniya i politicheskie emocii v Sovetskoj Rossii: 1917–1932 gg.*, M., ROSSPEN, 2010. – 341 s.
- Nadezhkina V.A., «... Vse k socializmu idu i nikak ne mogu doйти»: *rabochie i krest'yane Yuzhnogo Urala i social'naya politika Sovetskogo gosudarstva v gody NEPa*, Ufa, BashGU, 2005. – 266 s.
- Nerar F.-K., *Pyat' procentov pravdy. Razoblachenie i donositel'stvo v stalinskom SSSR (1928 – 1941)*, M., ROSSPEN, 2011. – 397 s.
- Morozova O.M., *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslerevolyucionnaya povsednevnost' veteranov Grazhdanskoj vojny*, Rostov-na-Donu, Izd-vo YUNC RAN, 2010. – 349 s.
- Orlov I.B., Pahomov S.A., «*Ryazhenye kapitalisty*» na nepovskom prazdnike zhizni, M., Sobranie, 2007. – 159 s.
- Pavlyuchenkov A.A., «*Orden mechenoscev*»: *Partiya i vlast' posle revolyucii. 1917 – 1929 gg.*, M., Sobranie, 2008. – 463 s.
- Rozhkov A.Yu., *V krugu sverstnikov. Zhiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov*, V 2 t., Krasnodar., Perspektivy obrazovaniya, 2002. T. 1. – 404 s.

- Surovceva E.V., *Zhanr «pisem vozhdyu» v totalitarnuyu epohu (1920 – 1950-e gg.)*, М., AIRO-XXI, 2008. – 147 s.
- Tihomirov A.A., *Zasluzhit', opravdat' i vernut' doverie partii: sovetskoe «ya» v pis'mah vo vlast' v rannej sovetskoj Rossii*, *Novejshaya istoriya Rossii*, 2016, № 3(17), S. 138–158.
- Ficpatrik Sh., *Sryvajte maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XXveka*, М., ROSSPEN, 2011. – 373 s.
- Yarov S.V., *Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917 – 1920-h godov*, SPb., Evropejskij dom, 2006. – 570 s.

Статья поступила в редакцию 15.05.2023 г.

Подписана в печать 17.08.2023 г.